

Ли Тайпин, услышав про жару, с любопытством спросила:

— Разве в палатах не прислали льда? Почему ты вышла охлаждаться на улицу?

Затем, словно что-то сообразив, улыбнулась Вэй Хуань:

— Я сейчас же велю принести тебе лёд. Возвращайся, ночью много мошкары, нехорошо, если покусает.

Сказав это, она зевнула и снова полулёгка откинулась на спинку паланкина.

Вэй Хуань почтительно поклонилась и, дождавшись, пока паланкин проследует мимо, специально вернулась назад и взглянула — огонёк в цветах уже исчез. Она усмехнулась про себя и, сделав большой крюк, вернулась в Чертог Чжуцзин. Войдя внутрь, она ощутила приятную прохладу — действительно, лёд уже доставили. Спросив у распорядительницы, та ответила, что Дворец Етин прислал лёд во все боковые и малые палаты чертогов Чжуцзин и Пэнлай.

Когда Вэй Хуань вернулась в свою комнату, Вэй Синь уже была там и, судя по всему, пребывала в прекрасном настроении. Увидев Вэй Хуань, она улыбнулась:

— Сынян выходила?

Вэй Хуань равнодушно ответила:

— Слишком жарко было, вышла прогуляться.

Вэй Синь рассмеялась:

— Из Етин прислали лёд, так что сегодня ночью будет прохладно. Сынян сможет спать спокойно.

Её улыбка была откровенно самодовольной. Поначалу Вэй Хуань не понимала, чему та так радуется, но вскоре до неё дошло — Вэй Синь решила, что лёд прислал князь Дай ради неё. Но она не знала, что будь это правдой, князь Дай со своим характером вряд ли проявил бы такую предусмотрительность, чтобы прислать лёд даже тем, кто в нём вовсе не нуждался.

Забавно. Очень забавно. Думая об этом, Вэй Хуань невольно улыбнулась.

Вэй Синь, только что такая сияющая, вдруг, неизвестно почему, топнула ногой и сердито прикрикнула на Вэй Хуань:

— Ты чему это ухмыляешься?

Вэй Хуань сама даже не заметила, что улыбается. Услышав вопрос, она тут же сделала серьёзное лицо и опустила голову:

— В комнате теперь есть лёд, сегодня ночью будет прохладно, вот я и обрадовалась.

Вэй Синь фыркнула:

— Лёд не для тебя. Вон.

Вэй Хуань не понимала, в чём провинилась. Ошеломлённо замерши на мгновение, она

сдержала гнев и взмолилась:

— Саньян, уже час Хай. Выйти сейчас... разве это удобно?

Раньше, пока на Вэй Синь давил клан Цуй, та, хоть и была заносчивой, внешне ещё как-то держалась. Но в последнее время, лишившись этого сдерживающего фактора и возомнив, что пристроилась к князю Дай, её нрав становился всё невыносимее.

Вэй Синь пристально, не отрываясь, смотрела на Вэй Хуань:

— Я сказала тебе выйти — значит, выходи. Не смей возвращаться, пока я не позову.

Вэй Хуань опустила глаза и безразличным тоном ответила:

— Хорошо.

Повернулась, чтобы уйти, но Вэй Синь снова окликнула её. Вэй Хуань в недоумении замерла на месте и увидела, как та подошла к ней вплотную, какое-то время разглядывала её, а затем внезапно резко ущипнула её за щёку.

Её ногти были невероятно острыми, и от одного щипка на левой щеке Вэй Хуань выступила кровь. Та в ужасе прикрыла лицо рукой и отпрянула, а Вэй Синь, сверля её взглядом, холодно произнесла:

— Больше никогда не смей так улыбаться другим. Если ещё раз увижу — выколю тебе глаза.

Вэй Хуань глубоко вдохнула и, не оборачиваясь, вышла из комнаты.

Почему-то я всё не могла отделаться от беспокойства насчёт Дворца Шаньян. До четвёртого месяца, пока засуха ещё не проявилась в полную силу, наследный принц не решался заранее обсуждать катастрофы и знамения, и всё было спокойно. Но теперь, когда бедствие стало очевидным, да ещё и туфаньцы захватили в плен дучжоуского военачальника Ду Сяошэнга, настал самый подходящий момент для подачи доклада. Однако моё беспокойство длилось недолго.

В полнолуние четвёртого месяца я занималась каллиграфией на террасе Личунь, как вдруг увидела, что несколько евнухов из Чертога Чжэньгуань в панике бегут ко мне, наперебой говоря: «Госпожа зовёт принцессу». Я спросила их: «Что случилось?», но они только твердили: «Принцесса, ступайте, просто ступайте». Поскольку я упражнялась в письме, на мне было прошлогоднее платье, которое уже стало коротковатым, и явиться к матери в таком виде было бы непочтительно. Я уже собиралась позвать служанку, чтобы переодеться, но те сказали: «Принцесса, идите скорее! Шэнжэнь разгневан, госпожа срочно вызывает!»

Я невольно взглянула на Вэй Хуань. Та подошла, проверила мои рукава и ворот, разгладила складки на подоле и сказала:

— Ступайте.

Я кивнула, передала ей все кисти и принадлежности и пошла следом за этими людьми. Войдя в передние покои, я увидела наследного принца, стоящего на коленях. Несколько слуг, поскольку принц преклонил колени, почтительно склонились и отступили в сторону. Отец, что было редкостью, появился на людях — он стоял, поддерживая мать, и лицо его было искажено гневом.

Не дожидаясь, пока евнухи доложат о моём прибытии, мать уже заметила меня и поманила рукой:

— Войди.

Отец тоже увидел меня, черты его лица смягчились, и он, всё ещё держа мать за руку, вернулся на своё место.

Я осторожно вошла в покои и, проходя мимо наследного принца, замедлила шаг, собираясь было тоже преклонить колени, но мать прямо сказала:

— Подойди сюда.

Мне пришлось подойти и поклониться отцу и матери. Когда я поднялась, мать хотела погладить меня по голове, но, протянув руку, положила её мне на шею и рассмеялась:

— Саньлан, посмотри, Сыцзы уже так выросла.

Выражение лица отца стало ещё мягче. Он лишь «хм»кнул, ничего не говоря.

Судя по всему, мать не хотела слишком унижать наследного принца и надеялась, что я помогу сгладить ситуацию. Набравшись наглости, я улыбнулась:

— Всё это — благодаря благословию отца и матери.

Отец строго взглянул на меня:

— Всё больше несешь вздор. Как тут можно благодарить нас с матерью?

Я украдкой взглянула на наследного принца и тихо сказала:

— Отец и мать высокие, вот и я выросла высокой. Если бы вы были низкими, а я высокой, это было бы странно. К тому же, отец и мать — Шэнжэнь, источник учения и просвещения. Разве для вас управлять даже ростом людей — что-то необычное?

Мои слова заставили отца дрогнуть уголком рта. Он с усмешкой отругал меня:

— Чушь городишь.

Помолчав, добавил:

— Поздоровайся со старшим братом.

Обычно, встречая наследного принца, я не преклоняла колени, но теперь, когда он сам стоял на коленях, мне пришлось опуститься на колени и поклониться. Тот с горькой улыбкой назвал меня «Сыцзы». Когда я отступила в сторону, он ещё раз склонил голову перед отцом и матерью:

— Ваш слуга откланивается.

Мать кивнула. Когда наследный принц удалился, она села рядом с отцом и улыбнулась:

— Твой отец слышал, что в последнее время ты усердно упражняешься в чжуаньском письме и значительно преуспела, поэтому вызвал тебя, чтобы посмотреть. Напиши что-нибудь и

преподнеси нам.

Я-то думала, дело срочное и важное, а оказалось — проверка каллиграфии. Я посмотрела на мать:

— А если напишу хорошо, будет награда?

Мать ответила:

— Хорошо писать — твоя прямая обязанность. Напишешь плохо — отец накажет.

Отец, к этому моменту уже значительно развеселившийся, с улыбкой добавил:

— Мать права. Писать хорошо — должно. Напишешь плохо — будешь приходить сюда каждый день, пока не напишешь как следует.

Я высунула язык. Когда подали кисти и тушь, я немного подумала и написала четыре иероглифа чжуаньшу: «Тысяча осеней, десять тысяч лет жизни». Вэй Хуань, зная мою лень, с самого начала посоветовала мне как следует отточить несколько благопожелательных фраз на случай, если родители захотят меня проверить. И вот теперь это пригодилось.

Закончив, я сама взглянула на свою работу — вышло даже лучше, чем обычно. Я подала лист отцу. Тот взглянул и рассмеялся, покачав головой:

— Прямо как детские каракули.

Мать улыбнулась:

— Конечно, с Саньланом не сравнить, но для её возраста сойдёт.

Отец слегка улыбнулся, провёл рукой по письменному столу. Я сообразила, что к чему, и посторонилась, с улыбкой сказав:

— Сыцзы поможет отцу растереть тушь.

Сделала несколько театральных движений, обмакнула кисть, с почтительностью подала её отцу. Тот взял кисть, взглянул на кончик, ещё раз провёл им по тушечнице, а затем, подняв кисть, вывел два иероглифа и спросил:

— Узнаёшь?

Я склонила голову и взглянула — это были иероглифы «Тайпин», моё имя. Тут же рассмеялась:

— Моё имя! Благодарю отца за дарование иероглифов!

Отец на мгновение замер, затем снова покачал головой и усмехнулся, велел передать тот лист мне. Подумав, он сменил стиль на «летающий белый» и написал четыре строки:

*«Полная чаша девяти настоев, обряд трёх кругов совершён.

Смиренно приношу свою искренность, да снизойдёт благословение божественной мудрости.»*

Закончив, он отложил кисть, повернулся к матери и спросил:

— Что скажешь, Цинян?

Мать, стоя рядом, прочла написанное, но оценила не каллиграфию, а лишь с улыбкой произнесла:

— Сыцзы уже тринадцать лет. Помнишь, за несколько месяцев до её рождения мы с Саньланом вместе любовались облачным морем на горе Тайшань. И вот уже столько времени прошло.

Отец улыбнулся, взял мать за руку и сказал:

— Если этой осенью я буду чувствовать себя получше, поедem туда снова. Возьмём всех детей.

Мать кивнула, взглянула на меня. Я поспешно свернула лист с дарованными отцом иероглифами и откланялась. Мать велела Ваньэр проводить меня. Едва выйдя за дверь, я тут же взяла Ваньэр под руку:

— Учитель Шангуань, что сегодня... что случилось с братом?

Ваньэр тихо ответила:

— Краткое изложение доклада лежит в ларце. Принцесса сама посмотрит.

<http://bllate.org/book/16278/1466389>